

ВИКТОР ТОЧИНОВ

**ДОРОГИ,
КОТОРЫЕ НАС
ВЫБИРАЮТ**

Записки Черного Охотника

Виктор Точинов

Дороги, которые нас выбирают

«Точинов Виктор»

2018

Точинов В. П.

Дороги, которые нас выбирают / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2018 — (Записки Черного Охотника)

Гимназист Боря Чечевицын, он же Монтигомо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых, сумел воплотить свою детскую мечту, – и после многих приключений попал из российского уездного захолустья в прерии Техаса... Вот только цена у той мечты оказалась непомерной и неподъемной.

Содержание

1. 1903	6
2. 1918	8
3. 1903	10
4. 1918	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктор Точинов

Дороги, которые нас выбирают

*Дражайшим моим соавторам, российскому и
североамериканскому, посвящается...*

Примечание автора:

Эта небольшая повесть входит в роман-цикл «Записки Черного Охотника» (глава «Охота на тигров, слонов и бизонов»), но одновременно является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением.

Автор обложки Женя Крич.

1. 1903

– Ах, мне так страшно! – слегка манерничая, произнесла Соня, самая старшая из сестер Королевых; недавно этой здравомыслящей и рассудительной барышне исполнилось целых одиннадцать лет.

– Ты смотри же, не говори маме, – сказала Катя сестре.

Девочки стояли на лестнице, ведущей наверх, к гостевым комнатам. Недавно, буквально только что, они стали обладательницами загадочной и страшной тайны: подкравшись к двери и подслушав разговор брата Володи – гимназиста-второклассника, приехавшего на рождественские каникулы, – с его товарищем и соучеником Чечевицыным, гостящим у Королевых.

О, что они узнали!

Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже все готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придется пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебивали друг друга. Себя Чечевицын называл при этом так: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а Володю – «бледнолицый брат мой».

– Может, все-таки расскажем маме? – предложила рассудительная Соня.

– Никак нельзя, Сонечка, – отвергла предложение Катя. – Володя привезет нам из Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь маме, то его не пустят.

Соня не нашла, что возразить против столь серьезного резона, – и великую тайну решено было сохранить.

Гимназист Чечевицын, гостящий у них, был, без сомнения, личностью незаурядной и замечательной. Он был угрюм, все время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и ученый человек. Он о чем-то все время думал и так был занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чем-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Пока сидели за чаем, он обратился к сестрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

– А в Калифорнии вместо чаю пьют джин.

После чая мальчики сели у окна и стали о чем-то шептаться; потом они оба вместе раскрыли географический атлас и стали рассматривать какую-то карту.

– Сначала в Пермь... – тихо говорил Чечевицын... – оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку... Отсюда самоеды перевезут на лодках через Берингов пролив... Вот тебе и Америка... Тут много пушных зверей.

– А Калифорния? – спросил Володя.

– Калифорния ниже... Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом.

Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Он сурово кашлянул, потер правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

– Вы читали Майн Рида?

– Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?

Погруженный в свои мысли, Чечевицын ничего не ответил на этот вопрос, а только сильно надул щеки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он еще раз поднял глаза на Катю и сказал:

– Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

– А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.

– А это что такое?

– Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

– Господин Чечевицын.

– Нет. Я Монтигомо, Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Маша, самая младшая из сестер, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

– А у нас чечевицу вчера готовили.

...До двух часов следующего дня, когда сели обедать, все было тихо, но за обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в людскую, в конюшню, во флигель к приказчику – там их не было. Послали в село – и там не нашли.

По счастью, в селе случился в тот день полицейский урядник Ярохин, приехавший в сопровождении двух нижних чинов расследовать смертоубийство крестьянина Овсянникова В. И., случившееся на свадьбе его сына Овсянникова И. В. Никаких пинкертоновских подвигов от Ярохина не требовалось: надежно связанный убийца уже сидел в чулане, свидетелей набиралась полная горница, оставалось только заполнить бумаги и доставить преступника в уездную тюрьму.

Узнав о пропаже мальчиков, урядник отложил почти завершенное следствие, уселся в свои розвальни и двинулся в усадьбу Королевых. Следом верхами двигались двое нижних чинов.

Беседовал урядник с родителями в столовой, одновременно заполняя какую-то бумагу. Спрашивал про Парамоновский лес – большой, дни напролет блуждать можно, – и начинавшийся буквально в версте от имения.

Мамаша Королева плакала.

Старшие девочки переглядывались. Золотой песок и слоновая кость казались им все менее привлекательными...

2. 1918

Бешеная скачка перевалила на шестую милю, когда лошадь Боба Лагарры поскользнулась на мшистом валуне и сломала переднюю ногу.

Лагарра пристрелил ее, и бандиты занялись каждый своим делом: Боб снимал с кобылы упряжь, Акула Додсон о чем-то размышлял, поигрывая рукоятью кольца. Боливар, каурый жеребец Акулы Додсона, тут же принялся щипать траву, благодарный за недолгую передышку.

Грабители остались вдвоем: третий член шайки, индеец-полукровка Джон Большая Собака, лежал далеко позади, у водокачки, не разминувшись головой с пулей, выпущенной из винчестера охранником почтового вагона.

Затылка у Собаки не стало, а его мозги расплескались пятном не менее ярда в длину. Собачья смерть во всех смыслах... Но компаньоны покойного не грустили о нем ни секунды. Едва лишь душа Собаки полетела к Маниту, а его мозги к рельсам и шпалам – доля каждого из двоих уцелевших выросла на одну шестую.

Не стоило бы разоблачать застреленную кобылу, снимая с нее уздечку, седло и прочие лошадиные путы и вериги, достаточно было бы отвязать брезентовый мешок с добычей. Но оба понимали: лучше потерять немного времени, но не оставить следов.

Лагарра, как истинный мексиканец, отличался склонностью к позерству, к трескучим фразам и эффектным жестам... И к безвкусно-роскошной лошадиной упряжи: пышная бахрома, золоченые бляшки, наклепанные повсюду. И его, Лагарры, многочисленные серебряные монограммы, из множества переплетенных букв. (Боб, как и прочие мексикашки, являлся носителем целой грозди имен: Борхес-Антонио Ледехас ла Гарра Делькон; Акула Додсон выслушал, хмыкнул и тут же забыл, сократив до Боба Лагарры.)

Боб закончил возиться с упряжью, зашвырнул всю богато изукрашенную сбрую подальше, в заросли чапарала. Лошадь стала неопознаваемой, мало ли дохлятины валяется в предгорьях на радость воронью и грифам-стервятникам?

Акула Додсон принял решение.

– Очень мне жалко, Боб, что твоя гнедая сломала ногу, – произнес он негромко, выжидая: потянется ли к мешку мексикашка?

Потянулся... Не мог не потянуться... После стольких трудов и тревог даже не посмотреть, за какой же куш шла большая игра?

Додсон и впрямь жалел о сломанной ноге кобылы, но лишь поначалу. Теперь перестал жалеть. Лошадка у Лагарры была на редкость резвая, а сам он худ и невелик ростом. К тому моменту, когда с ней приключилось несчастье, гнедая вместе со всадником (и с брезентовым мешком!) оторвалась от Болиvara уже на три десятка корпусов и помаленьку наращивала отрыв. Может, и к лучшему, что больше ей бегать не придется, как знать...

Боб Лагарра распустил завязки, перевернул мешок – и с детским счастливым смехом высыпал из него пачки новеньких кредиток и мешочки с золотом.

– А ведь ты не промахнулся, старый пират! – радостно обратился он к Додсону. – Ты вообще не промах и шарить в чужих деньгах получше любого банкира-янки! Кому угодно дашь сто очков форы – что здесь, в Техасе, что там, на Уолл-стрит!

– Что же мы придумаем с лошадей для тебя, Боб? Медлить нельзя, погоня еще сегодня съедет нам на хвост.

– Проедем недолго вдвоем на твоём жеребце и отберем первую же лошадь, какую повстречаем... Но, клянусь честью, мы сорвали-таки банк! Если надписи на пачках не врут, здесь тридцать тысяч! По пятнадцати тысяч зеленых спинок на каждого!

– Меньше, чем я ждал, – сказал Акула Додсон, думая о другом, и задумчиво поглядел на своего взмокшего и уставшего коня.

– Старина Боливар нынче битая карта, – медленно произнес он. – Как бы я хотел, Боб, чтобы твоя гнедая не пострадала...

– Кто б не хотел? Да что уж теперь... У этой лодки крепкое днище, – кивнул он на Боливару. – Она вывезет на тот берег, где мы сменим лошадок... Черт возьми, Акула, вот что смешно: ты чужак с Востока, а мы здесь, в приграничье, у себя дома, – и все-таки ты сумел поучить здешних людишек, как играть в покер шестизарядными картами... Из каких мест ты приехал?

– Приехал из штата Нью-Йорк, – ответил Акула Додсон, присев на валун. – Но родился я еще дальше... Мальчишкой сбежал из дому, дошел до развилки дорог и не знал, куда свернуть... Пошел налево, но иногда задумываюсь: как повернулась бы жизнь, если бы я выбрал другую дорогу?

– Думаю, жил бы так же... Со своей дороги, куда ни сворачивай, все равно не сойдешь, Акула, вот какая штука... Выбираем не мы, понимаешь? Это они, дороги, нас выбирают.

Акула Додсон поднялся с валуна.

– Я сожалею, что твоя гнедая сломала ногу, Боб, – сказал он с печалью.

– Кто ж радуется? – кивнул Боб. – Разве что воронье, хорошая им пожива будет... Но Боливар выдюжит... Думаю, лучше нам двигаться дальше, Акула. Сейчас я упакую обратно этих бабушек в буклях – и вперед, в лес, в предгорья.

Боб Лагарра ссыпал в мешок картинную галерею президентов, и впрямь чем-то напоминавших благообразных старушек, начал завязывать. Услышав негромкий щелчок, Боб поднял голову и увидел кольт сорок пятого калибра, уставившийся на него немигающим взглядом.

– Не шути так, Акула Додсон... Дернется рука – и пропишешь невзначай мне свинцовую пилюлю.

– Сиди спокойно! – приказал Акула. – И держи руки, где держишь... Ты останешься здесь, Боб. Мне очень неприятно это говорить, но шанс остался лишь у одного. Боливар изрядно утомлен, и он не выдержит двоих.

3. 1903

Грандиозный, рассчитанный на долгие годы и на тысячеверстные расстояния, план гимназиста Чечевицына дал течь уже на первом перекрестке...

Здесь дорога, ведущая к усадьбе Королевых и селу, пересекалась с трактом. Стоял тут столб с приколоченной доской-указателем: до губернского города – три версты, до уездного – вчетверо дальше.

Великий план предусматривал, что здесь мальчики подсядут в попутные ямщицкие сани, заплатив ровно четвертак серебром и ни копейкой больше – наличный капитал в четыре рубля семьдесят две копейки следовало расходовать экономно.

С ямщиком предстояло добраться до губернского города и оттуда уже следовать в сторону Аляски бесплатно, закопавшись в уголь в тендере паровоза.

План дал трещину сразу: ямщиков на тракте не было. Ни попутных, ни встречных, никаких.

Прошла четверть часа, затем еще четверть. Ямщицкие сани не показывались. Мальчики начали замерзать.

– Пошли пешком! Хотя бы согреемся! – решительно постановил Чечевицын.

– Три версты? По морозу?

– Нет, двенадцать, – указал Чечевицын в другую сторону. – Время потеряно, бледнолицый брат. Погоня дышит в затылок. Но они решат, что мы выбрали короткий путь, и будут искать нас там. А мы выберем длинный и оставим погоню с носом!

– Двенадцать верст?! Ты, верное, сошел с ума? Ты когда-нибудь ходил двенадцать верст пешком, хотя бы даже летом?

– А как же мы пойдем с Аляски в Калифорнию вдоль берега океана? Там тысячи миль пути и, знаешь ли, ямщики не встречаются. Будем тренироваться. В путь, бледнолицый брат!

– Иди один... Я раздумал ехать... Мы никуда не дойдем пешком, ни в какую Калифорнию. Мы даже до уездного города не дойдем!

– Так ты не поедешь? – сердито прошипел Чечевицын. – Говори: не поедешь?

– Господи! Как же я поеду? Мне маму жалко... Уже хватилась нас, с ума сходит... Мне холодно, я устал... Я возвращаюсь домой.

– Бледнолицый брат мой, я прошу тебя, поедем! Ты же уверял, что поедешь, сам меня сманил, а как ехать, так вот и струсил?

– Я... я не струсил, а мне... мне маму жалко.

И тут из-за поворота вывернули груженные сани. Чтобы им появиться на полчаса раньше... И ехали-то по начальному плану: в сторону губернского центра.

Чечевицын махнул рукой, сани остановились.

– Тпр-р-ру! Подвезти, что ль? Докеда ж вы так одни-то собравшись?

– До города. Четвертак серебром, – отрывисто сказал Чечевицын и вновь повернулся к Володе. – Ты говори: едешь или нет?

– Я поеду, только... только погоди. Мне хочется дома пожить.

– В таком случае я сам поеду! – решил Чечевицын. – И без тебя обойдусь. А еще тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай все наше снаряжение!

Володя заплакал. И потянул с плеч свой гимназический ранец – именно он (до появления своих коней и переметных сум) служил главным хранилищем для снаряжения и припасов.

Чечевицын торопливо перегружал в свой холщовый мешок их богатства.

– Так поедете, али как? – нетерпеливо понукал ямщик.

– Жди! – коротко бросил Чечевицын и последний раз спросил у Володи: – Не поедешь?

– Не... не поеду.

– Тогда прощай! Ты оказался подлым трусом, бледнолицый брат! Койоты обглодают твои кости и растащат по прерии... Прощай!

Сани укатили. Володя остался один. Так и стоял у столба-указателя, не находя в себе сил пошагать обратно.

Со стороны дома послышался стук копыт. Погоня – двое верховых – не заставила себя ждать.

– Где он? Где второй? – настойчиво выспрашивали у него.

Володя не мог ничего сказать, лишь тряс головой и плакал.

– Отстаньте вы от парня! – послышалось из подкативших розвальней. – Давайте-ка, один направо, другой налево, и ко всем возам приглядывайтесь! А ты залезай сюда, малец, задрог уже совсем!

4. 1918

Акула Додсон выжидал именно тот момент, когда руки сообщника окажутся заняты мешком... Он, вообще-то, был уверен, что даже в честной «ковбойской дуэли» первым дотянется до кобуры движением стремительным, как бросок гремучей змеи. И первым выстрелит от бедра – точно в лоб. Смуглые ребята из-за Рио-Гранде не сильны в таких играх... Исподтишка ударить в спину навахой – вот что мексиканцы любят, умеют и охотно делают.

Боб Лагарра тех троих, что числятся на его счету, наверняка завалил именно так. Старый Крейзи Джудсон, рекомендовавший Акуле Додсону нового подельника, сообщил подробности, но Акула был тогда слишком пьян и ничего не запомнил. Ну а тому, что рассказывал о себе после пары стаканчиков (развозило его легко) захмелевший Борхес-Антонио Ледехас ла Гарра Делькон, мог поверить только слабоумный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.